

Copyright © 2015 by Sochi State University

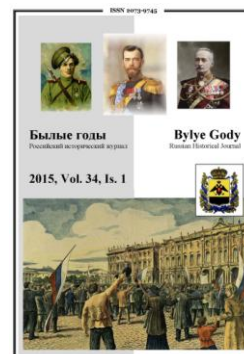
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 81-86, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Development of Information Policy of the Russian Empire During the Reign of Alexander II

Elena S. Ustinovich

Plekhanov University, Russian Federation
117997, Moscow, Stremyanny lane, 36
Doctor of political sciences, Professor
E-mail: eustinovich@list.ru

Abstract

During this historical period was actively carried out the process of interaction and interdependence of the development of state power and social consciousness within the limits of formation of the state information policy. Alexander II and his inner circle, given these trends and evaluating the shortcomings of the reign of his father, after years of ignoring the power of public opinion on important socio-political and socio-economic issues, after a long ban on open discussion of the shortcomings of the actions of the authorities and of the state apparatus, deliberately stimulated the beginning of the «era of conviction». Growth of social consciousness, the press has naturally gained a strong influence on representatives of the Russian society and contributed to raising awareness of and advocate for their rights. The authority is committed to the advancement of social development, directs itself to the expansion of media freedom and on the settlement of socio-political issues through dialogue, carried out with the assistance of the media.

Keywords: the state information policy; censorship; propaganda; «the age of the conviction».

Введение

К началу второй половины XIX в. в России упрочились тенденции развития капитализма. Новые капиталистические отношения, или переход к индустриальной эпохе, требовали квалифицированной рабочей силы, увеличения числа технически грамотного населения. Все это влекло необходимость расширения границ просвещения и формирования самодостаточной, мыслящей личности. Мыслящая личность становилась социально активной, осознающей свои права и готовой за них бороться.

Методы и материалы

К основным источникам нашего исследования относятся научные исторические труды отечественных историков, периодические издания Российской империи конца XIX – начала XX века. В исследовании применялись теоретический анализ и синтез, принципы системности, комплексности, выделения общего и единичного. Достижение цели исследования обусловили необходимость использования в качестве базового общенаучного диалектического метода познания, предполагающего объективность и всесторонность познания исследуемых явлений и процессов с учетом их всеобщей взаимной связи. Так же использовались в работе метод системного анализа, ориентированный на комплексное изучение процессов регулирования информационных потоков в каналах коммуникации и метод конкретно-исторического анализа функционирования основных структурных параметров системы информации, этапов её становления в соответствии с основными вехами развития истории общества.

Обсуждение

Проблеме формирования информационной политики государства были посвящены труды многих знаменитых исследователей. Так, например, западные авторы Н. Винера, К. Шеннона исследовали

феномен информации, формирования информационного пространства. Процесс взаимодействия власти и средств массовой информации рассматривался в работах М. Вебера, К. Поппера, К. Ясперса, Ю. Хабермаса, Т. Адорно, Н. Луманна. В трудах ряда отечественных исследователей, таких как В.Д. Попов, Д.Ф. Мезенцев, И.М. Дзялошинский, Ю.А. Нисневич, С.В. Коновченко, Е.П. Тавокин, П.И. Симуш проводился историко-политический анализ процессу формирования информационной политики в различные исторические периоды развития нашего государства.

В данной статье будет предпринята попытка рассмотреть особенности государственной информационной политики, взаимодействие власти и печати в годы правления Александра II. Поскольку закрепляя отказ от "исключительности мысли власти", правительство Александра II готово было мириться с другими мнениями, готово было принимать конструктивные идеи и признавать право населения оказывать влияние на принятие управленческих решений. Связь общества и власти осуществлялась при помощи СМК, и к анализируемому времени российская журналистика впервые стала объективно претендовать на роль "4-й власти". В связи с этим правительство особое внимание уделяло проблемам информационной политики: в январе 1858 г. в Совете Министров был поднят вопрос о государственной политике в сфере информации. Данным периодом можно датировать начало официального формирования российской государственной информационной политики. В рамках новой политики журналистике официально было разрешено принимать участие в обсуждении внутривластных проблем. В начале 1859 г. Совет министров и Александр II одобрили специальную записку министра народного просвещения Е.П. Ковалевского "О гласности в печати", которая легла в основу циркуляра от 3 апреля 1859 г. Согласно данному циркуляру, власть признавала «благонамеренную гласность союзницей и помощницей» и отмечала заинтересованность в том, чтобы печатные СМИ освещали злоупотребления и беспорядки, так как это позволяло правительству через прессу получать информацию о происходящем в стране в целом, а также о работе системы государственных учреждений. Одновременно в циркуляре отмечалось, что печать должна проводить идеи "неприкосновенности самодержавия и его аппарата" и отказаться от обсуждения преимуществ других форм государственного устройства [1]. Также в рамках проводимой информационной политики правительство стремилось направить в цензурные органы высококвалифицированных специалистов, людей широких взглядов и способных на сравнительно объективную оценку изменений в направлениях деятельности прессы. Пресса рассматривалась правительством и государем императором как катализатор современной действительности. С 1859 г. цензурный аппарат был использован для систематического информирования власти о состоянии дел в стране: высококвалифицированные цензоры каждые две недели готовили обзоры средств массовой информации. В январе 1859 г. была выпущена особая инструкция с критериями отбора «извлечений из печати» для лиц, принимающих решения. Однако предложенная сверху свобода слова в какой-то степени опережала уровень общественного сознания. Общественность, активно выражавшая свое мнение, к середине 1850-х гг. была преимущественно разночинная: в период замедленного капиталистического развития, обусловившего слабость формирующегося класса буржуазии, опирающегося на свои капиталы, интеллигенция превратилась в весомую общественную силу [2].

Интеллигентами в данный период называли не просто образованных людей, но тех, для кого идеальное государственное устройство, высокие мысли о социальных преобразованиях были важнее собственного благополучия. Они не желали мириться с монотонностью жизни и удручающим серым трудом вне высокой идеи и подвига. А идея, которой они руководствовались, - попасть в будущее, минуя западную «материалистическую ошибку», но оставляя за собой все достижения Запада. «Ненависть к «постепенщине» делала «интеллигентом» любого студента, взявшегося за великий ускоритель - бомбу народовольца, но почти отказывала в этом звании неутомимым гениям науки, таким, как Д.И. Менделеев, которые видели в труде, а не в демонстративном отвращении к методическому, будничному улучшению жизни главный путь в будущее», – так характеризовал интеллигенцию А.И. Уткин в работе "Россия и Запад: история цивилизаций" [3]. И, он же отмечал, что отличительной чертой русской интеллигенции стало ее отвращение к «царству закона»: интеллигенция требовала «диктатуры сердца», а не ума. Если В.Г. Белинский отмечал, что главным человеческим судьей является сердце, то Наполеон утверждал, что сердце государственного человека находится в его голове. Эти два моральных правила отражают основную суть различий между Россией и Западом [3]. Как правило, интеллигенты-разночинцы были приверженцами революционно-демократических взглядов, они пропагандировали идеи безграничной свободы. В противовес им передовое, либерально настроенное дворянство понимало необходимость сочетания свободы и ответственности и выступало за ограниченную свободу. Так, Б.Н. Чичерин в статье «Современные задачи русской жизни» (1855 г.) под ограниченной свободой трактовал следующие семь свобод: «1. Свобода совести... 2. Свобода от крепостного состояния... 3. Свобода общественного мнения... 4. Свобода книгопечатания... 5. Свобода преподавания... 6. Публичность всех правительственных действий... 7. Публичность и гласность судопроизводства...» [4]. Из программы западников-либералов видно, как высоко ценились ими общественное мнение, свобода печатного и письменного слова и публичность действий ветвей власти, насколько взвешенными были их предложения по социальной реорганизации общества.

Однако, начиная с конца 1850-х гг. и особенно с начала 1860-х гг., когда активизировалось хождение нелегальных прокламаций и "широкими кругами русской разночинной интеллигенции, особенно университетской молодежи, овладел, с одной стороны, дух революционно-социалистического народничества Чернышевского, с другой, дух анархистского нигилизма Писарева", с особой силой раздавался голос революционной социал-демократии, требовавшей полного разрушения существующего строя во имя некоего гипотетического и весьма неясного «светлого будущего». Студенты социал-демократы занимали видное место среди активных деятелей Петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса". Но наряду с социал-демократическим в движении студенческой молодежи складывались буржуазно-демократическое, либеральное, а также открыто реакционное направления [5]. Даже В.И. Ленин признавал, что в «русском социализме» Герцена и Чернышевского на деле нет социализма. «Это, – по определению В.И. Ленина, – такая же прекрасноречивая фраза, такое же доброе мечтание, облакающее революционность буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-го года» на Западе» [6]. Позднее, в 70-е гг., русская радикальная интеллигенция разделилась по своим направлениям на «лавристов» (или «пропагандистов») и «бакунистов» (или «бунтарей»). Те и другие вели активную антиправительственную пропаганду. Как отмечал бывший военный министр Д.А. Милютин, «над правительственными органами всех степеней явно издевались и глумились в публике и печати» [7]. Характеризуя перемены первого десятилетия правления Александра II, произошедшие в печати, П.К. Щербальский писал, что в 1855 г. периодическая печать представляла собой нечто «однообразное и одноцветное», но не потому, что все были настроены на один лад, а потому, что «одинаково были подавлены извне шедшим гнетом», «искусственно были приведены к одному знаменателю». С первыми проблесками свободы появилась первая дифференциация между СМИ, и в течение нескольких лет основным объединяющим для всех изданий началом было отрицательное отношение к недавнему прошлому. «Чем больше, однако, становилось число, чем важнее – значение вопросов, требовавших разрешения, тем слабее делалась эта связь, тем шире развертывались центробежные силы. Различие взглядов усложнялось разнообразием темпераментов: для порывистых нетерпеливых недостаточным казалось то, чем готовы были удовлетворяться спокойные-рассудительные. Если уже в конце пятидесятых годов нетрудно было отличить умеренно либеральные органы от более крайних, то в начале следующего десятилетия эти две группы были не только различны, но и враждебны между собою. Как это всегда бывает, столкновение мнений приводило к их обострению: одни все более уклонялись вправо, другие – в противоположную сторону» [8].

Таким образом, чем больше свободы получает пресса, тем многообразнее и разномысленней она становится. Это ведет к росту числа дифференцированных мнений в обществе. Чем более разномысленным становится общество, тем, как показывает исторический опыт, быстрее оно прогрессирует. Несомненно, власти сложнее управлять многочисленными самостоятельными личностями, чем послушной массой, не имеющей собственных идей. Но подобная масса не может быть в авангарде процессов общественного развития и способствовать формированию государства всеобщего благоденствия, страны счастливых граждан. В условиях повышенного возбуждения умов правительство продолжало работу над формированием государственной информационной политики. В частности, в январе 1859 г. был организован негласный комитет по делам книгопечатания, названный русским «Bureaux de la presse». Решение по его созданию было вынесено в конце 1858 г. и целью его было «служить орудием правительства для приготовления умов посредством журналов к предпринимаемым мерам и направлять, по возможности, новые периодические издания к общей государственной цели, поддерживая обсуждение общественных вопросов в видах правительственных». Новый комитет должен был действовать "не силою официальной строгости, а мерами убеждения и поощрения" [9]. Некоторые возлагаемые на комитет функции были функциями, ныне присущими пресс-службам. Например, статьи, подготавливаемые в министерствах для передачи в периодику, должны были предварительно препровождаться в комитет. Если СМИ желали получить от министерств или главных управлений необходимые им сведения или пояснения по опубликованным или готовящимся к публикации материалам, они должны были обращаться в данный комитет. Материалы, публикуемые под специальной рубрикой как правительственные, служили для цензоров руководством к действию. Такая централизованная фильтрация информации, касающейся деятельности государственных органов власти, сегодня входит в компетенцию пресс-службы той или иной официальной структуры. Однако комитет просуществовал менее года. Единственным относительно долговременным результатом реализации его широких планов стало создание газеты «Северная почта», которая начала выходить с 1 января 1862 г. Данная газета должна была противостоять оппозиционной прессе, проводя официальную точку зрения на происходящие события. С этой целью Министерство внутренних дел, к которому с 1862 г. отошел надзор за печатью, обязало все ведомства передавать информацию о всех проводимых преобразованиях в «Северную почту», тем самым характеризуя активную работу правительства и нейтрализуя нападки оппозиционных изданий, по мнению П.А. Валугева, «всегда тенденциозных и почти всегда недобросовестных» [10]. С этого времени официальное издание правительства, желая привлечь к себе внимание читателей и СМИ, получило право первым публиковать законодательные акты. Данным правом продолжает пользоваться и сегодня официальный печатный орган правительства РФ «Российская газета». В рамках формирования государственной информационной политики, особенно при министрах народного просвещения А.В. Головнина и внутренних дел П.А. Валугева, правительство тщательно

подходило к изучению зарубежного и отечественного опыта в сфере взаимодействия власти и СМИ, в частности, путем усвоения и издания материалов по цензуре. Так, в интересах цензуры, к которой постоянно повышались требования со стороны власти и общества, и в интересах печати, и в интересах общественности был опубликован целый ряд книг по истории и теории зарубежной и отечественной печати и цензуры: «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре в России с 1720 по 1862 г.», «Исторические сведения о цензуре в России», «Краткое обозрение направления периодических изданий и отзывов их по важнейшим правительственным и другим вопросам в 1862 г.», «Сборник статей, недозволенных цензурой в 1862 г.», «Изменения из законов о печати французского, прусского и австрийского законодательства, проекты цензурного устава» [11]. Одновременно с такой масштабной работой по изучению механизмов регулирования деятельности печати А.В. Головин провёл в условиях подготовки новых цензурных правил, возможно, первый социологический опрос представителей цензуры, журналистов, редакторов, издателей на предмет целесообразности узаконения предупредительной или карательной формы цензурирования материалов. В 1862 г. по распоряжению министра был издан сборник «Мнения разных лиц о преобразовании цензуры», давший представление о различии подходов разных представителей социума к изменениям в цензуре.

В результате длительного всеобщего обсуждения появились сначала Временные правила по цензуре от 12 мая 1862 г., а затем Временные правила о цензуре и печати 6 апреля 1865 г., получившие силу закона и действовавшие в течение 40 лет. В соответствии с этими правилами большая часть СМИ и книги, объемом свыше 10 печатных листов, освобождались от предварительной цензуры и были подвержены последующей, или карательной, цензуре. Продукция меньших объемов, которую сложнее было отследить и которая, как правило, предназначалась для широких масс, должна была подвергаться предварительному анализу. Освобожденные от предварительной цензуры издания, говорилось в правилах, в случае нарушения в них законов, подвергаются судебному преследованию [12]. Таким образом, было положено начало широкой судебной практике как регулятору деятельности СМИ – в действие вступали правовые механизмы регулирования социальных отношений, которые позволяли разрешать вопросы не в пользу силы, не за счет запретов, а в пользу закона, в пользу формирующейся свободы и ответственности. Уже правилами о цензуре 1862 г. власть признала необходимым снятие запрета на обсуждение в печати политических, социальных, внутренних и международных проблем, этим она сама себя поставила перед необходимостью отлаживать отношения сотрудничества и взаимодействия с печатными изданиями. В связи с этим министр внутренних дел стал проводить политику экономической поддержки изданий, которые вызывали "интерес у читателей". Это называлось "покровительством правительства" и выражалось в негласном субсидировании, чтобы "не уронить доверия публики к изданию", в долевом участии правительства в некоторых изданиях, во всякого рода льготах СМИ. За полгода до гибели Александра II новый министр внутренних дел граф Лорис-Меликов во время специально организованной личной встречи сообщил представителям выходивших в Санкт-Петербурге печатных изданий о готовности правительства дать прессе возможность обсуждать различные мероприятия, постановления, распоряжения власти, но с условием, чтобы печать не смущала общественность нереальными, "мечтательными иллюзиями". В это же время новое руководство главного управления по делам печати стало практиковать встречи с редакторами изданий, был сделан ряд цензурных послаблений столичной печати [13]. Правительство также осознанно проводило широкомасштабную, как теперь принято говорить, PR-деятельность. В созданной им самим, то есть правительством, атмосфере благоприятствования свободе слова издания А.И. Герцена после 1855 г. получили широкое распространение, разное по дальним уголкам России не только идеи политического иммигранта, но и растрогаивавшие Герценом идеи публицистов, которые не могли быть озвучены на страницах русской печати.

Наличие вольного русского слова за рубежом вынуждало власть выстраивать более гибкую информационную политику. В частности, министерством народного просвещения в рамках кампании по нейтрализации влияния изданий А.И. Герцена была подготовлена «Записка о «Колоколе», намечавшая целую программу противодействия популярной газете, в первую очередь при помощи вынесения на всеобщее обсуждение взглядов Герцена и методичного их опровержения. Более того, в рамках политики нейтрализации герценовского влияния отечественной прессе было разрешено расширить отделы внешней политики, а ряду СМИ, зарекомендовавших себя как благосклонно относящихся к правительству, было разрешено бесцензурно выписывать периодику и брошюры из-за границы на русском и иностранных языках. Такая мера, по мнению правительства, позволяла читателям через расширение потока зарубежной информации убеждаться, что «даже за границу, при несравненно высшем уровне народного образования, некоторые правительства по разным вопросам внутренней политики действуют менее либерально, чем это делается у нас, и что реформы идут там медленно и постепенно, а в некоторых государствах, как, например, в Австрии, Италии и Турции, внутренние раздоры и волнения, продолжающиеся несколько лет, не дают возможности идти тем прогрессивным путем, которым в последнее время шло наше отечество» [14]. Бурная интеллектуальная работа для общества была характерна преимуществом в пределах крупнейших городов страны. На местах, как правило, пресса оставалась бесправной: цензурские обязанности в провинции выполняли не подготовленные специалисты, а обычные чиновники, назначенные губернатором, защищавшие его интересы, не

допускавшие никакой критики местной или иной власти; в местных изданиях нередко запрещалась публикация материалов, прошедших в столичной печати. Наличие более свободной местной прессы могло позволить стране и правительству узнавать факты, которые оказывали влияние на принятие управленческих решений. Во внутреннем обозрении «Вестника Европы» связи с этим отмечалось, что общество осознало невозможность разрешения многих общих вопросов без собрания самых точных и подробных сведений о той или другой стороне народной жизни. Подобную услугу могла оказать самостоятельная, широко разветвленная провинциальная периодическая пресса. «Если бы такая пресса у нас существовала, мы узнали бы гораздо раньше о голоде в Самарской, о чуме в Астраханской губернии; мы имели бы массу статистических данных, более достоверных, чем многие работы губернских статистических комитетов.

Гласность судебных заседаний в провинции не была бы пустым словом; процессы, рисуемые в ярких красках положение русского общества, доходили бы до всеобщего сведения не в тех только исключительных случаях, когда в них замешаны имена провинциальной аристократии или преобладает скандальный характер. Деятельность управ, земских собраний, городских дум сделалась бы предметом живого интереса и действительного контроля – предполагая, конечно, что вместе с провинциальной прессой были бы освобождены от цензуры и отчеты о заседаниях выборных собраний» [15]. Все это замедляло процессы общественного развития, как в провинции, так и в стране в целом. В день своей гибели Александр II одобрил и подписал так называемую «конституцию» Лорис-Меликова по привлечению представителей земского самоуправления к участию в обсуждении проектов необходимых в государстве реформ. Но убийство императора привело только по объединению действий жандармско-полицейских и судебных органов для борьбы с революционным движением, ускорению производства дознаний и дел по политическим преступлениям; а также по улучшению организации административной ссылки и полицейского надзора [16]. Важной составляющей государственной информационной политики в это время становится регулирование властью информационного потока, оно соразмерно возможностям общества оценивало его потенциал и стремилось направлять этот потенциал в конструктивное русло, помогая расти общественности в мировоззренческом плане, образовательном и гражданском. Так называемое «ослабление» цензуры способствовало интеллектуальному развитию российского общества, хотя до периферии это «ослабление» не дошло. На местах существовала жесткая цензура для СМИ. Стремление правительства Александра II обезопасить население от влияния революционного движения через народное просвещение и пропаганду были не столь эффективны, не желе информационное влияние революционеров.

Заключение

Во времена правления Александра II пресса закономерно приобрела мощнейшее влияние в социуме, потому что часть российского общества доросла до взаимоотношений с властью, характерных для полицейского государства, когда мысли о защите прав личности стали получать широкое распространение, вовлекая все более широкие массы в процесс осознания и отстаивания своих прав. В подобных условиях господствующая мысль власти, желая сохранить за собой господствующие позиции, как правило, усиливает борьбу против иных мнений. Основным источником мнений на этом этапе являются средства массовой информации, и потому им отводится ведущее место в борьбе мнений. Власть, не поддерживаемая обществом, пытается продлить свою агонию путем стеснения мысли через цензурные запреты. Значительное смягчение и ограничение цензуры Александром II способствует широкому публичному обсуждению политических и социальных вопросов в прессе, оказывавшему большое влияние на разросшуюся студенческую молодежь, также преимущественно разночинную; одновременно растет число периодики, расширяется диапазон информации. Это способствует быстрому росту общественного сознания, еще не в народной среде, но в многочисленных рядах разночинцев. Ситуация резко меняется после убийства императора и казни цареубийц. Центр активной революционной деятельности смещается за пределы страны. Вновь создаваемые политические партии в общественных преобразованиях делают ставку на широкие народные массы, проводя через партийные печатные органы пропаганду и агитацию своих идей. Параллельно правительство активизирует свои цензурные функции. С целью ограждения народа «от влияния злонамеренной пропаганды» государство начинает заниматься изданием дешевых книг для народа, но делает это менее профессионально, чем политические партии и значительно менее искренне.

Примечания:

1. Энгельгард Н. Очерки истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб., 1904. С. 19.
2. Самодержавие и печать в России. СПб., 1906. С. 9.
3. Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000. С. 173.
4. Чичерин Б.Н. Современные задачи русской жизни // Голоса из России. Кн. I. Лондон, 1856. С. 27.
5. Чуйков О.Е. Исторические этапы развития молодёжного движения в России // Известия ЮЗГУ. Научный рецензируемый журнал. Серия История и право. 2014. №1. С.110.

6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 258.
7. Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. Ставрополь, 1993. С. 348.
8. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 117.
9. Щебальский П.К. Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 18.
10. Батурин Ю. Цензура против гласности: от Ивана Грозного до 1917 г. // Досье на цензуру. 1997. № 1. С.134.
11. Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб., 1903. С. 111
12. Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700-1863 г.). СПб., 1892. С. 492.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. – 109. Оп. 228. Д. 377. Л. 241-245
14. Сандулов Ю.А. История России: народ и власть. СПб., 1997. С. 420.
15. Черепахов М.С. Возникновение периодической печати в России. М., 1955. С. 96.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 94. Оп. 1. Д. 380. Л. 132-134.

References:

1. Engelhard N. Essays on the history of Russian censorship in connection with the development of printing (1703-1903). SPb., 1904. P. 19. (In Russian)
2. Autocracy and printing in Russia. St. Petersburg, 1906. P. 9. (In Russian)
3. Utkin, A. I. Russia and the West: history of civilizations. М., 2000. P. 173. (In Russian)
4. Chicherin B. N. Modern problems of Russian life // Voices from Russia. BK. I. London, 1856. P. 27. (In Russian)
5. Chuikov O. E. Historical stages of development of the youth movement in Russia // proceedings of SWSU. Scientific peer-reviewed journal. Series History and the right 2014. No. 1. P. 110. (In Russian)
6. Lenin V.I. And. Full. The complete works. Cit. I. 26. P. 258. (In Russian)
7. Pushkarev S.G. Overview of Russian history. Stavropol, 1993. P. 348. (In Russian)
8. Zhirkov G.V. The History of censorship in Russia XIX-XX centuries), 2001. P. 117. (In Russian)
9. Tchebalski P.C. Historical information about censorship in Russia. SPb., 1862. P. 18. (In Russian)
10. Baturin Y. Censorship against transparency: from Ivan the terrible to 1917 // index on censorship. 1997. № 1. P. 134. (In Russian)
11. Arsenyev K. K. Law on press. SPb., 1903. P. 111. (In Russian)
12. Skubiszewski A. M. Essays on the history of Russian censorship (1700-1863 year). SPb., 1892. P. 492. (In Russian)
13. State archive of the Russian Federation. F. - 109. Inv. 228. D. 377. P. 241-245. (In Russian)
14. Sandalow Y. A. History of Russia: the people and the government. SPb., 1997. P. 420. (In Russian)
15. Tortoiseshell M. S. the Emergence of the periodical press in Russia. М., 1955. P. 96. (In Russian)
16. State archive of the Russian Federation. F. 94. Inv. 1. D. 380. P. 132-134. (In Russian)

УДК 94

Развитие информационной политики Российской империи в годы правления Александра II

Елена Степановна Устинович

Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация
117997 г. Москва, Стремянный пер., 36
Доктор политических наук, профессор
E-mail: eustinovich@list.ru

Аннотация. В указанный исторический период достаточно активно осуществлялся процесс взаимовлияния и взаимозависимости развития государственной власти и общественного сознания в рамках формирования государственной информационной политики. Александр II и его ближайшее окружение, учитывая данные тенденции и оценив недочеты царствования своего отца, после многолетнего игнорирования властью общественного мнения по важнейшим социально-политическим и социально-экономическим вопросам, после длительного запрета на открытое обсуждение недостатков действий властей и работы государственного аппарата, сознательно стимулировали начало «эпохи обличения». Наблюдается рост общественного сознания, пресса закономерно приобрела сильное влияние на представителей российского общества и способствовала процессу осознания и отстаивания собственных прав. Власть, стремящаяся к прогрессу общественного развития, нацеливает себя на расширение свободы СМИ и на урегулирование социально-политических вопросов посредством диалога, осуществляемого при помощи СМИ.

Ключевые слова: государственная информационная политика; цензура; пропаганда; «эпоха обличения».